

Драко

Прокляты счастьем

Прокляты светом, белым вином,
 Соками звёздного винограда,
 Видят глаза бесконечную боль,
 Грежу о тьме, словно это награда.
 Прокляты кровью, красной водой,
 Слезами сердца, вкусившего ада,
 Разум подавлен безумной тоской,
 Капли глотаю смертельного яда.
 Прокляты счастьем, черной звездой,
 Идолом для неразумного стада,
 Крылья влачу по земле за собой,
 Жертва надежды слепого обряда.

1

В граде Урту, среди вершин белоснежных, правил Энкубу, прекрасный собою. Лотосы ликом своим затмевал он, силой безмерной владел и уменьем, реки прокладывал широкою дланью, скалы крушил богатырским ударом. Молод и счастлив был грозный Энкубу, лишь дев не хотел он, и жил одиноко.

Жители Урту царя умоляли жену привести и династию продолжить. Но непреклонен великий Энкубу; равный на равной должен жениться. Много красавиц к нему приходили, станом прекрасных, белее жасмина, из-за морей приезжали принцессы – всех он отверг, не избрал себе пары.

Тогда привели заклинателя молний; в свете богов он поведал Энкубу о дочери Дрого, КайтЭ луноликой, в утёсе холодном навек заточенной. Жестокий Ирет к ней

явился однажды и слово любви произнёс, но напрасно; Кайтэ отказала могучему богу. И в гневе Ирет изрекает проклятье: ты будешь моей – или жить тебе камнем.

Кровь заиграла в жилах Энкубу, вскочил он и клятву принёс пред богами, что станет Кайтэ его парой, иначе – на небо взойдёт он и бросит им вызов. Тотчас же коня оседлали герою, схватил он топор и покинул свой город.

В царских покоях жила одна птица, что ведала речи людской назначенье; едва произнёс свою клятву Энкубу, она полетела в чертоги Элори, богини, объятий героя желавшей. Узнав о решенье жениться на Кайтэ, Элори спустилась на землю и вышла, навстречу Энкубу, под видом старухи.

– Куда ты спешишь? – спросила богиня. Герой не признал её в облике хитром и честно ответил:

– По сердца приказу.

– Пристало ль правителю града Урука жену избирать в иноземных народах?

– В Уруке нет пары, что мне подошла бы, – ответил герой, больно ранив Элори, и путь свой продолжил, о встрече не помня. Лишь взглядом богиня его проводила.

Взыграла в ней ревность, и в вихрь обратившись, метнулась Элори к утёсу Ирета. Там силой своей рассекла она скалы, желая увидеть, кого предпочли ей.

Кайтэ пред богиней склонилась, не зная, о гневе, терзавшем бессмертное сердце. Элори убила невинную деву и приняла облик её несравненный.

Спустя много дней показался Энкубу. Богиня его ожидала в утёсе. Герой топором уничтожил все скалы, и волю вернул, как он думал, девице.

Элори сказала:

– Тебя избираю! – и вместе они удалились в пещеру, когда же вернулись, счастливый Энкубу богине поклялся:

– Моей будешь вечно!

Жестоко и горько тогда рассмеялась Элори, вернув свой божественный облик.

– Слова произнёс ты пред небом и богом; запомни же, смертный, теперь стал лжецом ты.

И понял Энкубу, кому он поклялся, и кровь на кинжале богини увидел. Утратив

свой разум, он в бешенстве диком напал на Элори, как будто был зверем.

Отбила атаку бессмертная дева, смеясь над Энкубу и страстью своею. А он, потрясённый коварством богини, поднял высоко свой топор бесполезный.

– Я клялся в любви, – тихо молвил Энкубу, – Лжецом не посмеют назвать меня люди.

И свистнул топор, плоть взрезая героя, богини лицо оросив его кровью. Элори схватила Энкубу – но поздно: уже умирал он, богам непокорный.

– Безумец! – вскричала бессмертная дева. – Что смертью своей доказать ты желаешь?!

– Я клятву сдержу... – прошептал он неслышно, – На небо взойду я и брошу вам вызов!

Айсгард

Ингельд не любил городских. Изнеженные, наглые, неведь что о себе мнящие, они кичились знаниями так, словно умение читать могло пригодиться в горах. А сегодняшний гость – совсем пацан, лет тринадцати на вид – выглядел таким задохликом, что Ингельд не сразу поверил, когда услышал, зачем он явился.

– Ты хочешь на охоту? Со мной? – переспросил он медленно.

Мальчик закивал, едва не уронив странное приспособление под названием "очки".

– Я должен написать монографию о фауне горных райо...

– Нет, – оборвал Ингельд, продолжив чистить коня.

Гость растеряно моргнул.

– Мне сказали, вы лучший в этих местах охотник на драконов.

– Я единственный, – прозвучал холодный ответ.

– И поэтому только вы сможете показать...

– Ты умрёшь, – сухо ответил Ингельд.

Парень, к его чести, даже не вздрогнул.

– Вы ошибаетесь, – возразил он горячо. – Я изучал повадки горных зверей, читал труды знаменитых путешественников, я умею ориентироваться на местности, и даже если...

– Это не местность, – оборвал Ингельд. – Это Грань. Здесь живут драконы, парень. Белые, зубастые, чертовски хитрые. Ещё ни один охотник не умер своей смертью, эти твари помнят врагов и мстят даже через сто лет.

Он смерил гостя презрительным взглядом.

– Я последний в этих местах, кто ещё рискует охотиться на драконов. Все остальные уже мертвы. Там, среди льдов, Ингельда ожидают десятки разъярённых зверей, мечтающих о мести. Они будут выслеживать меня, оставлять следы, устраивать засады – да только я всё равно прикончу тварь и продам шкуру таким, как ты, умникам, видевшим дракона лишь на картинке.

– Я изучал драконов! – поспешно возразил мальчик. – Эти создания уникальны, есть легенды что именно драконы послужили причиной войны между Братьями, когда появилась Грань. Год назад я даже сделал макет в натуральную величину, он сейчас выставлен в Академии. Ради драконов я и приехал сюда, на край света. Их больше нигде не осталось...

Ингельд затащил подпругу и медленно обернулся к гостю. На его изуродованном шрамами лице смеялись блеклые глаза.

– Изучал драконов, говоришь? – охотник криво усмехнулся, расстегнул меховую куртку и закатал телогрейку. – А скажи– ка, умник, какой дракон оставил эти следы?

Мальчик вздрогнул. Даже отступил на шаг.

– Я... я не уверен, но... Наверно, большой белый иглохвост? Они водятся на высоте среди ледников и...

Смех охотника заставил его покраснеть и опустить глаза. Отсмеявшись, Ингельд вновь застегнул куртку и безнадежно покачал головой.

– Это был тигр, – объяснил он. – На драконов можно охотиться только издали. Если он добрался до тебя когтями – охота закончена.

Мальчик вздохнул.

– Понимаю... Но вам хорошо заплатят. Мой отец богат и влиятелен, он...

Ингельд сплюнул парню на ногу, заставив его отпрянуть.

– Я не хочу держать ответ перед богатым и влиятельным человеком, объясняя, почему погиб его сын, – коротко ответил охотник. – Разговор окончен.

– О нет, разговор только начался, – заметил высокий лысый мужчина, входя в конюшню. Ингельд смерил его неприветливым взглядом.

– Ты ещё кто?

Новый гость производил большое впечатление. Широкоплечий, властный, с огромным лбом и глубоко запавшими глазами, он носил скромную серую тунуку и высокие сапоги. От холода гость кутался в меховой плащ, но настоящий мороз исходил от него самого. Ингельд не встречал такого взгляда даже у дикарки–меховухи, когда под ней зажигали костёр.

– Познакомьтесь, это мой отец, Ханаан Агта, четвёртый из Десяти, – смущённо сказал мальчик.

Охотник вздрогнул.

– Э– э– э... большая честь, – выдавил он наконец. – Несколько... неожиданно...

Жрец сжал пальцы в кулак и коснулся левой стороны груди.

– Мы с Ятти не хотим огласки.

Ингельд поднял брови.

– Ятти? Аг Ятти, сын королевы, наследный хранитель Жезла?

– Да, – ответил Ханаан. – Мой сын.

Охотник бросил на парня мрачный взгляд.

– Могли бы предупредить...

– Вы возьмёте его на охоту, – сказал жрец. – Ятти слишком много времени проводит среди книг.

– Нет, – твёрдо ответил Ингельд. – Он погибнет.

Ханаан тонко улыбнулся.

– Вот именно.

Охотник застыл. Помолчав, он почесал в затылке и медленно поднял голову.

– Я чего–то не понял?

– Покажи ему, – приказал Ханаан.

Юноша откинул длинные волосы и коснулся татуировки на виске. Ингельд невольно чертыхнулся.

– Кукла!

– Я тень настоящего Ятти, – ответил мальчик. – Моя память станет его памятью, когда я умру.

Охотник стиснул зубы и обернулся к жрецу.

– Вы нарушаете закон.

– Слуги Братьев людским законам неподвластны, – спокойно ответил Ханаан.

– Разве вас не удивило, что мы явились без охраны?

Ингельд сплюнул.

– А может, вы самозванцы?

– А вам есть разница? – усмехнулся Ханаан. Вынув из-за пояса тяжёлый мешочек, он медленно перевернул его в воздухе. Конюшню наполнил звон королевских урановых монет.

Охотник долго смотрел на деньги. Здесь было больше, чем он заработал за всю жизнь. Больше, чем он смог бы заработать, даже перебив всех драконов Рогатого хребта. Здесь было так много, что смутное подозрение превратилось в уверенность, и Ингельд медленно поднял глаза.

– А если... – у него внезапно пересохло во рту. – Если парень не... Если охота пройдёт отлично?

Жрец подошёл к Ятти и потрепал его по голове.

– Я всё равно умру через месяц, – просто ответил мальчик. – Это судьба теней. Подлинный Ятти, творение божественных Братьев, не может делиться душой.

Почти минуту в конюшне царила мёртвая тишина. Затем Ингельд двинулся вперёд. Ханаан не успел понять, что собирается делать охотник, как его схватили за горло и подняли в воздух словно щенка.

– Прочь из моего дома, – тихо, с ненавистью произнёс Ингельд. – Ещё раз увижу – и клянусь всеми ветрами Грани, будь ты хоть самым королём, я возьму на душу грех.

Он отбросил жреца к стене, так что тот едва устоял на ногах. Подбежал

растерянный мальчик.

– Отец?

– Всё в порядке, Ятти... – Ханаан отряхнул плащ и посмотрел на охотника. – Это была ошибка.

– Убирайся! – глухо повторил Ингельд. – И заberi свои грязные деньги!

Усмехнувшись, жрец подобрал рассыпанные монеты.

– Мы вернёмся завтра, – сказал он спокойно. – Советую подумать. Храму может пригодиться земля, на которой построен твой дом. Идём, Ятти.

Оглядываясь на Ингельда, мальчик покинул конюшню следом за отцом. Охотник сжимал и разжимал кулаки.

– Твари... – прорычал он и в бешенстве пнул стену. Потом ещё раз, и ещё.

Но стена молчала.

Аэгон

Айко проснулась на рассвете. Уютную полянку, где они с Тагатом провели ночь, заливал тёплый свет нарождающегося солнца.

Царила полная тишина. Здесь, у самого подножья Грани, никто кроме зверей не жил. Друзья летели на запад уже много дней, но так и не встретили мифических симуранов, единственных – если верить легендам – разумных обитателей Диколесья.

Некоторое время Айко лежала молча, положив голову на передние лапы. Граничный хребет здесь густо зарос кустарником, по скалам непрерывно стекали капли воды. Там и тут зеленели пятна мха.

Последние дни влажность непрерывно возрастала, часто шли дожди. Дважды путники видели небольшие речки, вытекавшие из мрачных недр Грани, но все попытки проникнуть в подгорное царство кончались ничем.

"Грань не желает делиться тайнами..."

Айко встряхнулась.

"Это мы ещё посмотрим!" – она опустила голову и игриво боднула своего спутника.

– Соня, просыпайся...

Оборотень потянулся, взъерошив тёмно– зелёный мех. Сладко зевнул.

– Уже утро? – он нехотя приоткрыл глаза.

Айко энергично кивнула.

– Вставай!

Подавая пример, она первая вскочила, расправила крылья и весело рявкнула, принявшись по– кошачьи чесать о дерево когти. Тагат вздохнул.

– Неугомонная ты...

– Prrrrrr!

Завершив утреннюю расчёску, Айко придирчиво оглядела себя и аккуратно сняла лист, наколовшийся на средний хвостовой шип. Тагат между тем рылся в походном мешке.

– Кончилось сушёное мясо, – сообщил он печально. Драконесса фыркнула.

– Здесь мясо на каждом шагу бегает!

Ярр недовольно взъерошил шерсть на загривке.

– Но у меня нет желания бегать за мясом.

– Не волнуйся, оно прибежит само, – Айко подмигнула другу. – Прими боевую форму. Я сейчас.

Расправив крылья, она мощно оттолкнулась от земли и спустя миг пропала за деревьями. Тагат покачал головой.

– Опять за своё... – он вздохнул. Передёрнув плечами, ярр медленно двинулся к деревьям, на ходу обращаясь в поджарого тёмно– зелёного волка с леопардовыми пятнышками на боках.

Тем временем неподалёку послышался леденящий душу вопль атакующего дракона. Даже у Тагата встала дыбом шерсть, в лесу мгновенно перестали петь птицы. Пара секунд – и через полянку метнулся обезумевший от страха кролик.

Оборотень перехватил его в прыжке и сразу свернул шею. Второму кролику удалось увернуться, третий присоединился к убитому собрату. Тагат уже собирался

ловить четвёртого, он слышал его запах, когда полянку накрыла зловещая драконья тень и гордая Айко спланировала с неба.

– Меньше минуты! – объявила она весело.

Тагат встал, стремительно возвращая свой родной облик.

– Я же просил, не пользуйся магией так близко от Грани. Кто знает, что за твари обитают там, наверху...

– Никакой магии, – обиделась драконесса. – Я просто громко крикнула, могу повто...

– Не надо! – ярр поспешно заткнул уши.

Айко улыбнулась.

– Пушшшистик, – протянув крыло, она ласково погладила оборотня.

Тагат оскалил дюймовые клыки и кивнул в сторону выжженного круга, где вечером они разводили костёр.

– Ваш выход, миледи.

– Почту за честь, сэр рыцарь, – улыбающаяся драконесса хвостом разровняла кучку заготовленного вчера хвороста идохнула огнём. Дерево сразу вспыхнуло.

Спустя час, облизывая последние косточки кролика, Тагат задал мучавший их обоих вопрос.

– Айко... – он положил руку на фиолетовое крыло. – Мы летим вдоль Грани двенадцатый день. Легенды гласят – она простирается до самого края мира, где воды Вечного моря низвергаются в пылающие недра вулкана Этнагон...

– Да, да, там они испаряются, возносятся на небеса и дождями возвращаются в море, – недовольно закончила Айко. – А мир парит в облаке пара и часто раскачивается, порождая землетрясения... Я сыта по горло этими сказками!

– Но мы уже пролетели больше, чем занимает весь Меорн с городами, полями, лесами и реками – возразил Тагат. – Грань не кончается, ты же видишь.

Драконесса склонила красивую голову к другу и нежно лизнула его в нос.

– У нас, крылатых, тоже есть легенды, – сказала она серьезно. – Легенды о времени, когда мы жили за Гранью, на островах в безбрежном океане, где не было Долгой ночи, землетрясений и огненных дождей. Должен быть путь, перевал, которым воспользовались предки!

Айко закрыла глаза.

– Скорлупа моего яйца была ещё влажной, когда я поклялась отыскать этот путь. С тех пор прошло много лет, но мечта не угасла.

Тагат вздохнул.

– Айко, мы ведь не первые, кто пытается пересечь Грань.

– Да. И что с того?

– Каждый, кто пробовал, возвращался обратно. Горы неприступны, их даже перелететь невозможно. Там, наверху, смельчаков ждали страшные трещины, вихри и лавины, ледяные поля и недостаток воздуха. Я даже слышал – в горах живут стаи двуногих полуразумных хищников, жестоко убивающих всякого пришельца...

– Мы найдём перевал!

– Вдоль Грани можно лететь ещё много месяцев, но даже не приблизиться к цели.

Фиолетовая драконесса ткнула когтем в грудь оборотня.

– Так мы и сделаем.

– Айко... – Тагат осторожно подбирал слова. Он не хотел обижать свою весёлую подругу. – Понимаешь... Я твой друг, я согласился отправиться в этот полёт и если желаешь, останусь с тобой даже на год, но... У меня ведь есть дела в Меорне...

Драконесса помолчала.

– Сколько ещё времени ты можешь выделить?

Тагат мысленно чертыхнулся.

– Айко, я вовсе не это имел в виду! Но ты уже взрослая и должна понимать – не всё в мире так, как мы желаем. Грань никто не пересекал. Много столетий назад Олехандр Синий во главе целой стаи драконов отправился искать неведомые земли. Вернулись они через год, облетев весь мир по кругу, но так и не сумев преодолеть Грань. Пойми, это не просто горы, где можно найти перевал. Это граница нашего мира!

Айко ударила хвостом.

– Мир не имеет границ! Я всем это докажу!

Ярр вздохнул.

– Айко...

– Мать читала мне сказки, – с жаром возразила драконесса. – Я верю, нет – знаю, что острова существуют! И ещё я знаю – они на западе.

– А знаешь ли ты, сколь многие улетали искать мифические земли и не возвращались?

Айко улыбнулась.

– Вот именно! Нашли, потому и не вернулись.

От возмущения Тагат потерял дар речи. Драконесса, вздохнув, осторожно погладила его крылом.

– Неделя, – попросила она. – Ещё неделя, и если ничего не изменится – мы вернёмся.

Ярр скрестил на груди руки.

– Неделя?

– Малюсенькая– малюсенькая неделюшечка!

– И ты оставишь свои затеи?

Айко невинно моргнула:

– Конечно!

Но за спиной она тихо изогнула хвост левой спиралью.

2

Горько плакала Элори над телом Энкубу, но даже она не могла призвать душу из царства мёртвых. Богиня похоронила героя и вернулась в свои чертоги, горевать об ошибке. Никому не сказала она о том, что случилось.

Минуло девять месяцев: родились у Элори мальчики–близнецы, как две капли воды похожие на отца. Но были и отличия: черноглазый, именем Гиль, родился первым; синеглазый, наречённый Гамешем, родился молча.

В тот самый час, когда они рождались, ворвалась птица в чертоги Элори и поведала о чудовище, что появилось среди гор. Огромная, зубастая, с рогами и длинным хвостом, свирепая тварь получила имя дракона.

Многие пытались убить чудище, но всех разрывал дракон, никого не щадил. Пришлось людям оставить его в покое; зверь не покидал горы, где погиб Энкубу, и каждую ночь поднимался по скалам, прекрасно видный на фоне луны.

Минуло шестнадцать лет. Сыновья Энкубу выросли и стали великими воинами. От матери они получили бессмертие и божественные силы, от отца – гордость и смелое сердце. Счастлива была Элори, но боялась она, что, если раскроется правда о гибели Энкубу – отрекутся сыновья от матери. Строго запретила богиня упоминать его имя, детям же сказала – отцом их был солнечный свет.

Однажды Гиль охотился в горах, и встретил старого пастуха, у которого была коза с золотой шерстью. Удивлённый юноша подъехал ближе.

– Где водятся такие красивые звери? – спросил он пастуха.

– Это обычная коза, – ответил тот. – Она лишь выкупалась в озере драконьих слёз.

Бросился Гиль к Гамешу и рассказал о встрече. Решили братья отыскать чудесное озеро.

Долго носились они по горам, но пастух бесследно исчез. Пришлось молодым героям вернуться в чертоги Элори.

– Где вы были так долго? – спросила богиня. Рассказали братья о встрече, и побледнела их мать.

– Не ищите дракона, – сказала она, отвернувшись. – Запрещаю вам это навеки.

Но что может распалить юного воина более, чем запрет матери? Утром братья тайно покинули чертоги и поскакали в Урук.

Там, у ворот, древний старик продавал абрикосы.

– Что ищете вы, воины, так похожие на нашего пропавшего царя? – окликнул он братьев. Переглянулись юноши.

– Мы ищем озеро дракона, – ответил Гамеш.

Огладил бороду старец.

– Никто ещё не уходил живым с драконьей горы, – сказал он братьям. – Возвращайтесь к матери, вы слишком молоды, чтобы умереть.

Вскинулся Гиль:

– Как смеешь ты говорить с нами так!

– Укажи дорогу, – попросил Гамеш.

Старик поднял руку.

– Если путь одолеете, проклянете день, когда зачали вас отец и мать.

– У нас нет отца... – начал Гиль, но замолчал, поняв, что кто-то из богов явился к ним под видом старца. Гамеш почтительно коснулся груди.

– Неведение хуже жестокой правды.

– Тогда идите, – изрёк старик и указал путь к драконьей горе. Вскочили на коней братья и помчались в дорогу, как вихрь снежный в горах, лавина силы меж скал...

Айсгард

Ночью Ингельд проснулся от робкого прикосновения жены. Сюттэ, когда-то прекрасная дочь цыганского барона, а теперь, спустя годы, пожилая женщина с натруженными руками, сидела на краю кровати и молча смотрела в окно. Там свистел холодный ветер, возвещавший о приближении Долгой ночи.

– Что случилось? – спросил охотник.

– Сделай, как они хотят, – тихо ответила женщина.

Ингельд рывком сел.

– Повтори.

Сюттэ обратила к мужу заплаканные глаза.

– Я не хочу потерять и Берка, – выдавила она через силу. – Однажды твоё упрямство...

Ингельд с размаха дал ей пощёчину, заставив вскрикнуть.

– Никогда! – выдохнул он. – Никогда не обвиняй меня... в этом!

Женщина утёрла слёзы.

– У нас остался только один сын. – она упрямо посмотрела в глаза мужа. –
Начинается Долгая ночь. Если храм отберёт наш дом...

– Они не посмеют! – рявкнул охотник.

– А что их остановит? – Сюлтэ робко положила руку на плечо мужа, но тот сбросил её. Женщина всхлипнула. – Инге... Ты всегда такой... холодный... Словно изо льда! Неужели ты не хочешь, чтобы дети твои жили?!

Охотник стиснул виски.

– Не смей! – прорычал он, – Не смей! Никогда так не говори!

– Инге...

– Не смей! – вскочив, он схватил жену за волосы и бросил на пол. Сюлтэ закричала.

– Не смей! Не! Смей! Не! Смей!!! – он бил её со всей силы, задыхаясь от гнева и дикой, страшной боли в сердце. Внезапно безумие прошло; с ужасом взглянув на свои руки, Ингельд медленно отступил. Перед ним скорчилась женщина, которую он когда-то любил.

– Никогда так не говори... – охотник закрыл лицо руками. – Ты не понимаешь... Ты ничего не знаешь!

Удар.

Визг клинка, разящего плоть.

Хрип.

"Твари!"

Страшный звук рвущейся чешуи. Удар, удар, удар...

"Отец?.."

"Вернись домой! Не выходи! Я сейчас заберу тебя! Нет!!! Не вставай!!!

Нееееет!!!....."

Удар хвостом, падение. Снег. Скрип зубов, кровавая пена во рту.

"Вы умрёте за это"

Крики. Боль. Ярость.

"Вы умрёте за это"

Визг клинка, хрип издыхающего дракона.

"Вы все умрёте. Все вы. Я стану вашим кошмаром. Я буду убивать вас, пока жив."

Удар, свист стрелы.

Хрип.

"Я вернусь с того света. Я буду вас убивать. Я буду вас..."

Темнота.

– Ты ничего не знаешь... – прошептал Ингельд. Его трясло.

Сюлтэ с трудом села. У неё опухло лицо, из рассечённой губы капала кровь.

– Сделай, как они хотят, – выдавила она, всхлипнув от боли. – Муж мой...

Сделай как они хотят! Потом... у нас будет много денег, мы продадим дом, уедем в тёплые края... Где Берк вырастет здоровым и сильным!

Ингельд опустился на колени.

– Как я могу? – прошептал он. – Ты хоть понимаешь, чего они хотят? Они хотят, чтобы я убил пацана! Такого же, как Берк! Такого же, как... как...

"Отец?"

"Вернись домой!"

Ингельд зажмурился.

– Нет! Не такого! – Сюлтэ судорожно дышала. – Берк – наш сын! Берк! Другого у нас нет! А тот щенок всё равно обречён!

Охотник покачнулся.

– Замолчи...

– Ты всю жизнь убивал для других, – тихо сказала Сюлтэ. – Так убей в последний раз – для своей семьи.

Ингельд отпрянул.

– Что ты мелешь?! – он стряхнул руку жены. – Я убиваю зверей! Поганых тварей!

Женщина подползла ближе.

– Тень человека – не человек, – она с отчаянной надеждой заглянула в глаза мужа. – Он всё равно скоро умрёт!

Прежде, чем Ингельд успел ответить, Сюлтэ обняла его и принялась покрывать лицо поцелуями.

– Спаси нас... Спаси своего сына, спаси... Муж мой...

Охотник оттолкнул жену.

– Сюлтэ, – он схватил её руки. – Если я сделаю это – как мне потом жить? Что сказать Берку, когда он подрастёт? Ответь!

– Правду! – женщина всхлипнула. – Правду, что отец любит его больше, чем себя!

Ингельд резко встал. Сюлтэ попыталась его удержать, но охотник отвернулся и подошёл к окну. Его широкая грудь, изуродованная шрамами, тяжело вздымалась.

– Хорошо, – сказал он после долгого молчания.

Вскрикнув, Сюлтэ повисла на плечах мужа.

– Спа... спа... спасибо...

– Я не вернусь, – глухо добавил Ингельд.

Обернувшись к побледневшей жене, он взял её за руки.

– Пришёл мой срок. Все охотники чувствуют это. Рано или поздно... Все мы уходим в горы, зная, что не вернёмся.

– Нет... – прошептала Сюлтэ.

Ингельд покачал головой.

– Изменить это не в твоих силах, женщина. Я надеялся пережить ещё одну Долгую ночь и уйти весной, да видать не судьба.

Он решительно отстранил жену и принялся одеваться. Из угла комнаты, с большой кирпичной печи, на них смотрел белокурый мальчик лет десяти.

Когда утром пришли Ханаан и Ятти, Ингельд ждал их за воротами вместе с братом жены, кузнецом Рагдаром. Жрец ничем не напомнил о вчерашнем инциденте и молча достал деньги.

Вещи Ятти нёс чернокожий носильщик. Ингельд осмотрел лыжи, меховой комбинезон, ледорубы, кисет с магическим горючим порошком, спальный мешок и кучу противодраконьих амулетов. Всё было в порядке.

– Сюлтэ, – позвал охотник.

Бледная женщина заставила себя подойти.

– Когда Берк вырастет, скажешь, что отец любил его больше, чем себя, – глухо произнёс Ингельд. Сюлтэ с криком повисла на его плечах.

– Забери её, – приказал охотник. Рагдар оторвал рыдающую женщину и насильно увёл в дом. Жрец и мальчик молча наблюдали.

Ингельд несколько секунд стоял, зажмурившись, пытаясь изгнать демонов прошлого. Впереди лежал путь, ждущий каждого охотника, и возврата ступившему – нет.

– Попрощайся с отцом, – выдавил он.

Ятти вздрогнул. Оглянувшись, мальчик что-то сказал на родном языке; Ханаан нежно взъерошил его волосы.

А затем поднял глаза, и Ингельд содрогнулся, увидев слёзы.

– Дай ему быструю смерть, – произнёс жрец негромко. – Даже тени испытывают боль.

Охотник промолчал. Окончив грузить снаряжение на нарты, он выбрал шесть самых старых собак, запряг их веером и погнал в сторону гор.

Мальчик, сидя в санях – он плохо ходил на лыжах – постоянно оглядывался, пока деревня не скрылась вдали. Ингельд размеренно бежал рядом.

Он не оглянулся ни разу.

Аэгон

Пещеру они нашли спустя пять дней. Некоторое время дракон и оборотень молча стояли перед мрачным отверстием, оттуда несло гнилью и сыростью. Айко от волнения размахивала хвостом.

– Здесь не должно быть пещер... – пробормотал Тагат. Фиолетовая драконесса вздрогнула.

– Что?

– Жди.

Спрыгнув на землю, ярр подошёл к пролому и опустился на колени. Айко от

нетерпения переступала с ноги на ногу.

– Ну?

– Странно... – Тагат медленно выпрямился. – Края разлома совсем свежие. Готов спорить, пару дней назад этой пещеры не было.

– Подгорные короли! – выпалила драконесса. Ярр сморщил нос.

– Айко, серьезнее.

– Ты в них не веришь? – в ярких драконьих глазах мелькнуло изумление.

– Я верю в то, что можно увидеть и почуять, – серьезно ответил Тагат. –

Подгорные короли – сказка для...

Из темноты вылетела тонкая стрела и вонзилась в землю у самой ноги ярра. Оборотень подпрыгнул от неожиданности.

– Кто тут?! – он попятился. Айко раскрыла пасть.

Из темноты вышли несколько маленьких двуногих существ, чем-то похожих на гномов Рудных холмов, но более хрупких и грациозных. Громадные глаза на бледных лицах сразу выдавали ночных жителей, солнечный свет заставлял их щуриться.

Айко пришла в себя первой.

– Мы друзья! – поспешила она. – Мы ищем перевал!

Подгорные короли переглянулись. Один из них, одетый в блеклый серый балахон, покачал головой.

– Дракон ищет перевал, дракону не найти.

– Почему? – Айко моргнула.

– Дракон не понимает, – сказал другой король.

– Дракону надо объяснить.

– Дракон не найдёт перевал, перевала нет.

Тагат наконец опомнился и встал рядом с крылатой подругой. Он тревожно поглядывал на странных существ.

– Значит, Грань – действительно конец мира? – осторожно спросил оборотень.

Король в сером балахоне сцепил руки на животе и заухал как филин. Остальные стояли совершенно неподвижно.

– Волк не умеет думать, – сказал наконец предводитель, прекратив смеяться.

– Волк умеет думать, – возразил Тагат. – Волку нужны знания.

– Какие знания нужны волку?

– Что такое Грань? – выпалила Айко.

Король пожевал тонкими губами.

– Разве спросили дракона?

– Что такое Грань? – повторил Тагат.

– Волк желает знать?

– Желает.

– Разве волку не известно, знания дорого стоят.

– Что может дать волк, за что он получит знания?

Подгорные короли промолчали. Тагат взглянул на Айко.

– Кажется, нам пора... – шепнул он. Драконесса покачала головой.

– Что может дать дракон, за что он получит знания? – спросила она спокойно.

Короли сразу встрепенулись.

– Дракон умеет думать, дракон догадался.

– Дракон может дать яйцо.

– Дракон даст яйцо, получит знание.

Айко попятилась.

– Как – яйцо?!

– Дракон даст яйцо, получит знание. – твёрдо повторил король в сером балахоне.

Растерянная драконесса обернулась к Тагату.

– О чём они говорят?

– Постой... – оборотень шагнул вперёд. – Дракон не может дать яйцо, дракон слишком молод.

Короли сразу повернулись друг к другу и принялись щебетать на странном языке. Айко коснулась Тагата крылом.

– Я уже взрослая, – шепнула она. – И у меня есть хороший друг, золотой Мидас. Если потребуется, я могу...

– Совсем спятила? – тихо спросил оборотень.

Фиолетовая драконесса покачала головой.

– Как ты не понимаешь, я всю жизнь мечтала узнать...

Её прервал голос подгорного короля. Они прекратили совещаться и вновь обернулись к гостям.

– Дракон и волк могут помочь, они получают знания.

– Как помочь? – быстро спросила Айко.

– Дракон и волк принесут яйцо белого дракона.

– Дракон и волк принесут яйцо, получают знания.

Крылатая моргнула.

– Белого дракона? Но таких не бывает!

– За Гранью бывают, – коротко ответил предводитель.

Тагат вздрогнул.

– Вы пропустите нас через горы?!

– Дракон и волк могут пройти, – сказал король. – Дракон и волк не смогут вернуться обратно без яйца белого дракона. Дракон и волк согласны?

Путники переглянулись. Айко уже открыла пасть, но Тагат быстро наступил ей на ногу. Драконесса запнулась.

– Дракон и волк должны подумать, – сказал оборотень.

– Дракон и волк принесут ответ завтра на рассвете, – произнёс подгорный король. Молча отвернувшись, он и его спутники вернулись в темноту.

А затем, на глазах потрясённых путешественников, обломки скал поднялись в воздух и бесшумно закрыли пролом. Спустя минуту от пещеры не осталось и следа.

Айко села на хвост.

– Всё ещё не веришь в сказки? – спросила она тихо.

Оборотень промолчал.

Много дней мчались они, ветром проносясь по долинам, круша скалы на пути, богам подобные в силе своей. Сотням гор сломали они хребты, тысячи лесов пересекли, и наконец вдали показался одинокий утёс, что указывал старик. Гамеш, верхом на белом коне, придержал чёрного жеребца Гиля.

– Не спеши, брат, – попросил он. – Давай сначала узнаем, кто он...

Засмеялся Гиль.

– Кем может быть дракон, кроме нашей добычи!

Они подскакали к озеру у подножия утёса и спешили. Нагнулся Гамеш к золотой воде, зачерпнул полной горстью.

– Брат, – схватил он плечо Гиля. – То не слёзы, то кровь!

– Сейчас её станет больше, – засмеялся юноша и зычно крикнул, воздев к небу руки:

– Дракон! Пришёл твой смертный час!

Вздрогнула земля, задрожали скалы, и из тёмного ущелья показалось чудовище. Дракон был совершенно белым, с огромными серыми глазами и пастью, полной белоснежных клыков. Лишь по груди, наискось, тянулась красная полоса, похожая на шрам.

Заметив юношей, издало чудовище оглушительный вопль и направилось к ним, круша хвостом скалы, дробя камни в песок. Попятились братья, крепко стиснули бесполезные копы.

– Смотри! – вдруг воскликнул Гамеш, указав на старый, ржавый топор, лежавший под камнем. Схватил его Гиль, и в руках юного героя осыпалась ржавчина, засверкал топор неземным светом. Замер дракон, широко раскрылись ужасные глаза.

– Это оружие богов! – расхохотался Гиль. Вздрогнул Гамеш, посмотрел на дракона.

– Брат, подожди... – попытался он, но поздно: издав боевой клич, бросился Гиль к чудовищу и глубоко вонзил волшебный топор ему в грудь. Покачнулся дракон, рухнул на скалы.

– Дети... – прошептал он, содрогаясь в агонии.

Гиль засмеялся.

– Умри, презренная тварь! – вырвав топор, замахнулся он, желая отсечь гордую голову, но брат его прыгнул вперёд и встал над драконом.

– Нет! – крикнул Гамеш. – Не зверь это, сердцем я знаю!

– Отойди, – грозно сказал Гиль.

– Брат! – Гамеш пал на колени. – Опомнись, взгляни, что ты сделал! Кровь его красна, как наша, разум в глазах увядает! Сердцем я вижу, я знаю – не зверя ты бьешь, не дракона!

Разгневался Гиль, схватил плечо брата.

– Кто ж он тогда, коль не зверь?!

– Я отец ваш... – прозвучал шёпот. Замерли братья, выпал топор из рук Гиля.

Умиравший дракон поднял голову.

– Был я героем, царствовал в Уруке...

Слушают братья дракона, бледность их лица меняет. Поняли вдруг, что предрекал им старик, говоря о проклятье... Но сомкнулись драконьи уста, умер он пред своими сынами. Пали на колени Гиль и Гамеш, зарыдали над мёртвым чудовищем.

– Как жить мне теперь, отцеубийце?... – крикнул Гиль, вскинув голову к небу.

– Будьте вы прокляты, боги! Дайте мне кару!

– Гиль... – попытался Гамеш, но безумный огонь загорелся в глазах его брата.

– Нет! – крикнул Гиль, заслоняясь рукою. – Уходи! Не достоин тебя я отныне!

Плача, он бросился прочь и скрылся в тёмном ущелье.

Айсгард

Вьюга не унималась вторые сутки. Палатку засыпало почти до верху, собаки снаружи выли и скулили от холода. Ингельд грел руки над котелком, где тлела горстка магического порошка.

Ятти молча сидел в углу. Они почти не говорили за четыре пролетевших дня. Мальчик сильно устал и замёрз, но упорно ковылял за охотником, когда тот искал

следы драконов.

– Голоден? – буркнул Ингельд.

Ятти кивнул.

– Ешь, – ему на колени упал ломоть хлеба. Порывшись в мешке, охотник нашёл кусок жёлтого сыра и протянул мальчику.

– Спасибо, – руки Ятти немного дрожали. Ингельд вернулся к котелку.

– Боишься? – спросил он глухо.

Мальчик заметно вздрогнул. Потом, через силу, кивнул.

Охотник что-то невнятно пробормотал.

– Не бойся. Смерть от холода – самая безболезненная. Куда лучше... других.

Ятти опустил глаза.

– Я должен погибнуть, добывая раненного дракона, – сказал он тихо.

Ингельд прищурился.

– Это ещё зачем?

– Так... так надо. Пожалуйста, не спрашивайте меня.

Повисло долгое молчание. Внезапно Ятти поднял голову.

– Скажите... Вчера мы видели следы дракона, даже я их узнал. Почему вы не стали его преследовать?

Охотник молча подсыпал порошка в котелок. Мальчик придвинулся.

– Пожалуйста, скажите. Мне очень важно знать.

– Это другой дракон, – глухо ответил Ингельд. – Я таких не добываю.

Ятти удивлённо поднял брови.

– А разве вы убиваете не всех драконов?

– Нет, – резко ответил охотник. – Я убиваю только... белых. Белых, с серыми глазами.

Мальчик содрогнулся всем телом.

– Так вы знаете?! – вырвалось у него.

Ингельд резко обернулся.

– Что – знаю? – глаза охотника превратились в щели.

Ятти прижался к стене палатки.

– Нет... Ничего, я просто спросил.

– Иди сюда, – приказал Ингельд. – Быстро!

Мальчик нерешительно приблизился. Охотник схватил его за руку и рывком усадил перед собой.

– Что ты знаешь о сероглазых драконах?

– Они... они самые опасные, – выдавил Ятти. – Я читал... Словно они умеют говорить.

– Нет, парень, ты знаешь что-то иное, – Ингельд нахмурил брови.

Мальчик замотал головой.

– Я всё сказал...

– Не зли меня! – Ингельд замахнулся, но сдержал удар, взглянув на мальчишку. Ятти весь сжался и закрыл глаза.

– Проклятие! – охотник оттолкнул парня. – Почему я? Почему вы пришли ко мне?!

Ятти всхлипнул.

– Все другие отказались...

– Другие? – Ингельд отпрянул. – Я последний охотник на драконов!

Мальчик кивнул.

– Мы... сначала хотели послать воинов королевы. Но они отказались. Они сказали... что каждый, убивший дракона...

– Проклят, – завершил Ингельд.

Ятти снял запотевшие очки.

– Это правда? – спросил он. – О проклятье?

Охотник долго не отвечал. Мальчик уже закутался в меха, готовясь ко сну, когда глухой голос Ингельда заставил его вздрогнуть:

– Более чем, – едва слышно ответил охотник.

К утру вьюга стихла, и охота продолжилась. Ингельд мягко бежал на лыжах, время от времени останавливаясь и поджидая нарты. Ятти неплохо наловчился править собаками, к его собственному удивлению.

Застывшие ледяные скалы поражали воображение. Грань, непреодолимый хребет мира, простиралась в обе стороны до горизонта и уносилась ввысь, к отвесным кручам, где вечно бушевали ураганы. Чудовищные масштабы давили на

разум, люди казались точками посреди бесконечной равнины. С белого неба светило солнце; и лучи его совершенно не грели.

Один раз на утёсе вдали показалась хищная фигура дракона, зверь смотрел в долину. Ятти закричал, но Ингельд отмахнулся:

– Вигер, – бросил он нетерпеливо. – Такие здесь на каждом шагу. Они не трогают людей.

Дракон долго провожал охотников взглядом, стоя на утёсе. Ятти не мог отвести от него глаз.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Ингельд остановился и молча указал на снег. Мальчик сглотнул.

– Он?

– Да, – отрывисто ответил охотник.

– А... далеко?

– Нет, – Ингельд усмехнулся. – След слишком заметен. Это ловушка для меня.

Он медленно оглядел стены ущелья и указал на большой утёс, возвышавшийся впереди.

– Дракон там, – спокойно сказал охотник. – Он ждёт, чтобы мы подъехали ближе и можно было обрушить на нас скалы.

Ятти дрожал.

– Вы... вы словно читаете его мысли...

– Верно, – Ингельд рассмеялся. – Разве иначе я смог бы убить столько драконов?

Уверенно, спокойно он подошёл к мальчику и столкнул его с саней. Откинул мех, вытащил гарпун. Ятти недоверчиво следил.

– Жди здесь, – бросил охотник. Но мальчик сразу встал.

– Нет, – он весь дрожал. – Это должен сделать я.

Ингельд сузил глаза.

– Жди здесь.

– Нет!

Ятти подошёл вплотную.

– Я сам должен убить дракона.

– Ты? – охотник взял его за шиворот и поднял на вытянутой руке. – Зачем?

– Я... я не могу сказать.

– Можешь, – Ингельд отбросил гарпун и схватил Ятти обеими руками. – Ещё как можешь!

Мальчик посмотрел на охотника сквозь заиндевевшие очки.

– Не могу, – тихо, но твёрдо сказал он. – Вам нельзя знать эту тайну.

Пощёчина заставила его вскрикнуть. Встряхнув мальчишку, Ингельд ударил его ещё раз.

– Что ты знаешь о драконах? – рявкнул охотник. – Говори, тварь, пока я не оторвал твою...

Он замер. Ятти всхлипывал, покачиваясь в воздухе, но Ингельд смотрел не на него. Он смотрел на свою руку.

– Не может быть... – вздрогнув, охотник откинул мальчику волосы и уставился на висок, где темнела татуировка тени. От удара рисунок чуть стёрся.

– Не может быть! – уронив Ятти в снег, Ингельд попятился. – Этого не может быть!

Мальчик с трудом встал.

– Теперь вы знаете, – сказал он совсем тихо.

Охотник помотал головой.

– Но... но... но почему?!

Ятти отвернулся.

– Я смертельно болен. Меня не смог излечить ни один маг королевства. Отец тайно создал тень, мою совершенную копию – только здоровую. Даже мать – королева не знает правды. Ей сказали, что боги излечили мою болезнь.

Ингельд стиснул виски.

– Так жрец купил смерть родному сыну?! Настоящему?!

– Нет, – мальчик поднял глаза. – Отец купил мне жизнь. Хоть и иную.

Аэгон

– Нет, нет и нет! – Тагат ухватил Айко за рога и принялся трясти. – И не

думай!

– Я мечтала об этом всю жизнь, – тихо ответила драконесса.

– Вся твоя жизнь длилась семнадцать лет. Опомнись, девочка, ты же бессмертна, впереди блестящие столетия, семья и дети, любовь и счастье!

Айко вырвалась из лап Тагата и медленно покачала головой.

– Нет. Пока я не узнаю, что лежит за Гранью – счастья не будет.

– Почему?! – оборотень беспомощно уронил руки.

Драконесса вздохнула.

– Это трудно объяснить, – она нежно лизнула его в нос. – Нам, драконам, любая Грань бросает вызов. Наверно, виновата кровь... Или мечты. Но я знаю точно: пока есть на свете Грань, дракону не познать покоя.

Тагат закрыл глаза.

– Где крылья, нет клеток, – шепнул он старинную пословицу.

– Точно, – улыбнулась Айко. – И будь клетка даже с целый мир размером, пока она существует – драконы будут сражаться.

– Но что, если там, за Гранью...

– Тсссс! – драконесса прижала крыльевой коготь к его губам. – Что там, за Гранью, я скоро узнаю. Утром мы попросим у королей отсрочки на месяц, я отнесу тебя в Меорн и...

– Я иду с тобой, – оборвал ярр.

Айко замерла.

– Тагат?

– Я иду с тобой, – повторил он мрачно. – Не могу же я отпустить такую взбалмошную девчонку в одиночестве на тот свет.

Драконесса моргнула.

– Тагат, но... Но как же дела в Меорне, ведь ты...

– Что? – прервал он хмуро. – Как без меня обойдутся в кузнице? Прекрасно обойдутся, уж поверь. В клане обо мне никто и не вспомнит, разве что мать... Да и та быстро забудет. Она родила немало щенят.

Айко помолчала.

– Тагат... Родители не одобряли нашу дружбу. Я их не послушала, а теперь... У

тебя неприятности по моей вине, правда?

Оборотень рассмеялся.

– Думаешь, меня дразнят любовником ящериц?

– Нет, нет, я...

– Всё в порядке, малышка, – он потрепал драконессу по шее. – Ты ни в чём не виновна. К тому же я действительно тебя люблю, а на традиции мне... – Тагат сделал выразительный жест. Смущённая Айко отвернулась.

– Спасибо, – шепнула она.

Ярр оскалил клыки.

– Не за что. Лучше поедим, завтра нам потребуется много сил.

Ничего не ответив, драконесса распахнула крылья и взмыла навстречу тучам. Оборотень опустился в траву.

– Любовник ящериц... – пробормотал он мрачно. И невольно рассмеялся сам над собой.

Утром пошёл дождь. Мокрые, заляпанные грязью, они долго стояли у скал, ожидая подгорных королей. Когда те наконец явились, Айко от волнения уже грызла хвост.

– Мы согласны! – выпалила она, едва пещера раскрылась. Вчерашний знакомец – сегодня с ним была целая толпа сородичей – поманил гостей пальцем.

– Дракон и волк могут войти.

Друзья так и сделали. Оставляя мокрые следы на полу, они углубились в недра Грани, следуя за странными, хрупкими обитателями Тьмы. Пещера беззвучно закрылась.

С удалением от входа стены начали мягко светиться голубым огнём. Тагат шагал первым, зорко глядя по сторонам и держа руку на клинке, Айко осторожно кралась следом; ей приходилось нагибать голову и смотреть под ноги, чтобы ненароком не раздавить подгорных королей, сновавших повсюду.

Прямой коридор быстро вывел гостей в большой грот, озарённый мёртвенным синим огнём из озера в центре. Их проводник встал на берегу и молча указал на воду.

Друзья переглянулись.

– Надо нырнуть? – недоверчиво спросила Айко.

– Дракон понял правильно.

– А... это путь на ту сторону гор? – драконесса заволновалась. – Я... мы не умеем дышать под водой!

Вместо ответа подгорный король молча протянул руку влево. Сосед дал ему кусок странного синего гриба, который был немедленно брошен в озеро. Мелькнула вспышка – и гриба не стало.

– Теперь за Гранью, – лаконично заметил король.

Вся шерсть Тагата встала дыбом. Он рассчитывал запомнить дорогу и в случае чего с боем прорываться обратно.

– Где мы окажемся? – резко спросил оборотень.

– Волк не умеет слышать?

– Дракон и волк попадут за Грань, – добавил второй король, тоже в сером балахоне. Призрачный синий свет отражался в их огромных глазах, шорох бесчисленных ног заполнял пещеру. Внезапно Тагат отчётливо осознал, в какую безумную авантюру угодили они с Айко. Вся его шерсть встала дыбом.

Но отступать было поздно; драконесса уже загорелась идеей.

– А как мы вернёмся? – спросила она возбуждённо.

– Дракон умеет думать, – с довольным видом ответил подгорный король.

Второй обернулся к толпе сородичей и защебетал, явно переводя разговор.

– Я не шучу! – Айко встопорщила спинной гребень. – Как мы вернёмся?

– Яйцо откроет путь дракону и волку, – ответил король.

– Пусть дракон и волк запомнят место, где выйдут из Глаза Матери.

– Дракон и волк принесут яйцо, им откроют путь.

– Без яйца дракон и волк никогда не вернутся обратно.

– Дракон и волк не передумали? – спросил второй король.

Тагат с силой наступил на хвост Айко, но она даже не повернула головы.

– Мы готовы! – драконесса подхватила оборотня и забросила себе на спину.

Тот едва не упал, Айко помогла крылом.

– Надо просто войти в воду? – спросила она быстро.

Подгорные короли переглянулись.

– Дракон и волк не хотят спросить, где искать белых драконов?

– А вы ответите? – хмуро поинтересовался Тагат.

Оба существа разом сложили перед собой ладони.

– Белые драконы были прокляты ещё до рождения Грани, – сказал один из них, внезапно отбросив витиеватый стиль. – Сейчас они вымирают. Дважды приходили из Меорна, хотели за Грань. Дважды мы соглашались в обмен на яйцо белого дракона. Две ошибки вместо одной.

В голосе подгорного короля прозвучала такая горечь, что даже Айко притихла. Оборотень стиснул её плечо.

– Вы третья попытка, – произнёс хрупкий житель гор. – Если и вы не вернётесь, Мать накажет нас.

– Она закроет Глаза и мы не сможем дышать.

– Мы все умрём.

– Вы должны вернуться, – серьёзно сказал маленький подгорный король.

Айко оглянулась на Тагата. Оборотень молчал, шерсть на загривке стояла дыбом. Драконесса глубоко вздохнула.

– Где искать белых драконов?

Житель гор поднял руки и в пещере мгновенно повисла жуткая, неестественная тишина.

– Холод воздуха даст направление, сердца жар вам откроет глаза, разум бросит в пучины сомненья, но решение подскажет гроза.

– Идите, – произнёс другой подгорный король. – Мы всё сказали.

Прежде чем Тагат успел вздрогнуть, Айко прижала его крылом, высоко подпрыгнула и нырнула в самый центр озера. Сиреневая вспышка на миг ослепила обоих.

4

Оставшись один, сложил Гамеш великий костёр и отпустил душу мёртвого дракона к звёздам. В миг, когда запылало его тело, золотая кровь в озере стала пурпурной, и рассыпался прахом волшебный топор Энкубу. Понял Гамеш – больше отец не вернётся в сей мир.

Долго искал он брата среди скал и ущелий. Кричал его имя, умолял вернуться. Но не ответил Гиль: он лежал среди камней, окровавленный, полумёртвый. Вспоминал брата, просившего не трогать дракона. Если бы, если бы он послушал...

– Гиль! – зов раздался совсем близко. Вскочил юноша, прижался к скале. Не спрятаться, увидит брат! Упал он на колени.

– Боги, вы, жестокой игрой сделали меня убийцей, – взмолился он. – Проявите ж хоть раз справедливость, дайте мне кару! Пусть никогда не увижу я лица человека, звери и гады пусть меня окружают! Если крови я вашей – услышите мольбу!

Потемнело небо, и возник перед юношей старец огненноглазый. Узнал его Гиль, уронил голову.

– За что? – прошептал он. – За что так жестоко?

Зло рассмеялся старик.

– Хочешь ты знать, почему я так сделал? Узнай же, презренный, во мне бога грома! Ирет моё имя; влюблён я был в деву, невинную телом прекрасную Кайтэ. Отец ваш, гордец Энкубу, её возжелал и бросил мне вызов!

Зажмурился Гиль, но клинками падали слова бога.

– Его пощадил я, он был только смертным. Но мать ваша, будь она проклята трижды – убила Кайтэ из-за ревности жалкой! Прекрасную деву, любовь моей жизни, она обратила в песок – ради твари!

Старик схватил юношу за горло и громко рассмеялся.

– Месть долго таил я, но время настало. Повержен Энкубу рукой её сына. Навек обесчестил я имя Элори, но что значит честь – коли мать потеряет того, кого любит жизни сильнее?!

Ирет протянул руку, и скалы расступились. Увидел Гиль брата, идущего по тропе и кричащего его имя. Остановилось сердце юноши.

– Нет, – взмолился он. – Накажи меня! Я виноват в смерти Энкубу, не трогай Гамеша!

– Дурак, – рассмеялся бог. – Мучения ваши усилятся стократ, когда пострадает невинный!

Отбросил он Гиля, воздел к небу руки.

– Просил ты не видеть лица человека, что б только звери тебя окружали? Так знай, сын Энкубу – ты брату родному на веки веков подарил эту участь!

Задрожала земля. Гром ударил так, что попадали птицы, страшная молния вспорола плоть мира. Закричал Гиль, руки протянул к брату, но поднялись между ними скалы, до неба клыки протянули. Злобно хохотал Ирет, глядя как юноша бьется о камни.

– Я мир разделил на две части скалою! – выдохнул бог, схватив несчастного Гиля. – По ту сторону Грани – остались лишь гады, скорпионы и звери. Твой брат будет жить вечно, мечтая вернуться и голос услышать родной – но нет силы, что Грань одолев, возвратит его сможет. Гамеш навсегда сохранит свои грёзы, ужаленный змеем, растерзанный волком, детей никогда не родит он, и даже погибнув – воскреснет для новых мучений! Так будет вовеки!

– Нет!!! –закричал Гиль. Вскипела в нём отцовская кровь, бешенство помутило рассудок. Взревел юноша, бросился на злодея – но встала на пути его мать, что вихрем явилась и всё ж опоздала. Попятился Ирет.

– Элори?!

Расхохоталась богиня.

– Себя возомнил ты верховною силой? – раскинула руки Элори, голову к небу подняла. – Властью богов, мне дарованной небом, тебя проклиная я, детоубийца!

Закричал Ирет, упал на колени. Изогнулось тело его, шипы выросли из спины, удлинились челюсти, и обратился бог грома в белого дракона. Указала богиня сыну своему на чудовище.

– Убей его, Гиль!

Поднял копьё юноша и пронзил горло Ирета. Застонал дракон, окропила камни его чёрная кровь. Рухнул на скалы бог грома и, умирая, сказал Элори:

– Я погибаю, но и ты не уйдёшь без проклятия. Отныне и вечно, убивший дракона – сам станет драконом. И да будут потомки мои истреблять детей сына твоего, пока стоит Грань!

Сказав это, захрипел Ирет и подох. Но исполнилось проклятье; Гиль, рассудка лишившись от горя, обратился в дракона и с громким рычанием уполз в темноту.

Пала на колени Элори, зарыдала над потерянными сынами.

– О, как горька судьба! – простонала богиня. – О, сколь жестоко плачу я за гибель той девы!

Долго рыдала она, лёжа на камне. И слёзы её в ручейки собирались, светящейся синей водой пробежали по холодным скалам. Много дней плакала Элори.

Наконец, встала она и узрела светящееся озеро слёз у ног своих. Тогда подняла голову Элори, окинула взглядом неприступные скалы, и смех просочился сквозь тонкие губы.

– Сильна месть Ирета, но мать одолеет любую преграду, идя за ребёнком. – сказала богиня. И ступила в озеро слёз.

Больше Элори не видели в мире.

Айсгард

Охотник медленно опустился на снег.

– Когда? – спросил он после долгого молчания. – Когда люди узнали?

– Что? – не понял мальчик.

– О драконах. О том, что происходит с их убийцами.

Ятти содрогнулся.

– Так вы...?!

– Да, я знаю.

Мальчик всхлипнул.

– Я... мне сказали... – слёзы мгновенно обращались в льдинки. – Мне только сказали... Что надо убить дракона, тогда я не умру... Стану драконом и буду жить много веков...

– Не будешь, – сухо ответил Ингельд.

Встав, он забросил на плечо гарпун и зашагал прочь. Ятти догнал его только у подножия утёса.

– Пожалуйста, дайте мне шанс! – взмолился мальчик. – Я не хочу умирать!

Ингельд остановился.

– Шанс? Отняв одну жизнь, спасти твою?

В глазах охотника вспыхнул такой огонь, что Ятти попятился.

– Чем ты лучше дракона? – тихо спросил Ингельд. – Почему он должен умереть, чтобы ты жил?

Мальчик сглотнул.

– Потому что... потому что...

– Потому что он зверь? – охотник медленно расстегнул меховую куртку и сбросил её на снег. – Потому что тебя, человека, создали божественные Братья, а драконы – всего лишь твари, не имеющие души?

– Нет! – Ятти задрожал. – Как вы можете так говорить! Драконы... Они...

– Они живут за Гранью! – рявкнул Ингельд. – Здесь, с этой стороны – драконов нет! Здесь только люди, люди, люди! Которые убивают других людей!

Он схватил плачущего мальчика за шиворот.

– Тебе сказали, что человек, убивший дракона, сам станет драконом? – ноздри Ингельда раздувались от бешенства. – А говорили тебе, что происходит с драконом, убившим человека?!

Отшвырнув мальчишку, он закрыл лицо руками и издал глухой, страшный стон.

– Почему никто этого не говорит?! – прорычал Ингельд. – Почему нам всё приходится узнавать самим?!

Обернувшись к Ятти, он замахнулся гарпуном. Мальчик скорчился на снегу, лезвие сверкало в лучах солнца. Сверкало... И дрожало.

– Будьте вы прокляты! – уронив гарпун, Ингельд упал на колени. – Будьте вы прокляты!!! Будь проклята тварь, наградившая нас сердцами!

Он заплакал.

– Будьте вы прокляты... – слёзы струились по изуродованному лицу и падали в снег золотыми льдинками. Снег был белым.

Не красным, как в ту ночь.

Удар.

Визг клинка, разящего плоть.

Хрип.

– Твари! – синий дракон бился в сети. Рядом корчилось тело серебристой драконессы, её добивали охотники.

Страшный звук рвущейся чешуи. Гарпуны.

Удар, удар, удар...

– Отец? – из пещеры выглянул маленький, не старше десяти лет серебряный драконыш.

– Вернись домой! Не выходи! Я сейчас заберу тебя! – синий дракон чудовищным усилием разорвал стальные волокна, густо окропив их своей кровью. Ближайший охотник оглянулся на голос.

– Нет!!!

Свист стрелы, вонзившейся в плечо драконыша. Боль, падение.

Сеть! Рвать!

Страшный крик.

– Не вставай!!!

Малыш попытался подняться с окровавленных камней, и в горло его глубоко впился гарпун. От вопля синего дракона по скалам побежали трещины.

– Нееееет!!!

Он разорвал сеть. Удар хвостом, падение.

Снег.

Скрип зубов, кровавая пена во рту.

– Вы умрёте за это.

Крики. Боль. Ярость.

– Вы умрёте за это.

Визг клинка, последний хрип умирающей драконессы.

– Вы все умрёте. Все вы. Я стану вашим кошмаром. Я буду убивать вас, пока жив.

Удар гарпуном в сердце.

Свист стрелы.

Хрип.

– Я вернусь с того света. Я буду вас убивать. Я буду вас...

Ингельд очнулся, когда Ятти поднёс к его губам тёплую воду. Охотник

заставил себя сесть, отряхнул снег с лица.

– Выпейте, – дрожащим голосом сказал мальчик.

Ингельд медленно осушил котелок.

– Долго я был... без памяти?

Ятти кивнул.

– Несколько часов.

Они помолчали. Ветер гнал позёмку, играя заунывную мелодию в ледяных скалах. На сером вечернем небе одиноко мерцала ранняя звезда.

Ингельд закрыл глаза. Песня ветра вливалась в его жилы, рвала сердце в клочья. Он невольно перебрал плечами – привычка, сохранившаяся за столько лет.

"Тогда тоже пел ветер..." – охотник поднял лицо к небу, словно мог видеть его закрытыми глазами. Лыдинка скатилась по щеке и беззвучно пропала в снегу.

"Не зови меня, небо. Не зови..."

– Прости, – сказал он вслух. – На меня нашло безумие.

– Я понимаю, – мальчик снял очки, принявшись протирать их от снега.

– Безумие...

Ингельд спрятал лицо в ладонях и шумно выдохнул.

– Да, это было безумие.

– Вы говорили, – тихо сказал Ятти.

Охотник вздрогнул.

– Что?

– Вы говорили на странном языке. Кричали. Я никогда не слышал, чтобы человек так кричал.

Ингельд содрогнулся всем телом.

– Поживи с моё, и не такое услышишь...

– Нет, – мальчик снова надел очки и посмотрел в глаза охотника. – Это был крик дракона. Вы ведь дракон, правда?

Ответа ему пришлось ждать целую вечность.

– Я был драконом, – сказал наконец Ингельд. – Очень давно. Много лет назад.

Ятти судорожно вздохнул.

– Вы забыли, как вернуться? Да?

– Нет, – Ингельд криво усмехнулся. – Я был убит. Вместе со своей семьёй.

Он обернулся к потрясённому мальчику.

– Много веков назад мы жили за Гранью, в стране Аэгон. Тогда меня звали Олександром Синим, я был вождём всех драконов той стороны. Грань бросала мне вызов. Я не мог смириться с её существованием, и однажды мы с друзьями отправились в путь, искать перевал. Искали долго. Почти год провели мы в полёте, но горы не хотели раскрывать тайны. Уже решено было вернуться, когда в одну светлую ночь, мы с подругой взлетели повыше и заметили в скалах пещеру.

– Вы умели летать?! – переспросил Ятти.

Ингельд горько улыбнулся.

– Да, парень, все истинные драконы крылаты. Только по эту сторону Грани у нас отняли даже небо.

Помолчав, он встряхнулся и продолжил:

– В пещере жили смешные существа, похожие на человеческих детей. Они согласились пропустить нас за Грань в обмен на яйцо белого дракона. Мы рискнули – и оказались здесь. Долго искали мы белых драконов, видели много странного и страшного, и наконец, год спустя, нашли свою цель. Молодая белая драконесса одиноко жила в пещере на склоне во– он того вулкана, – охотник указал на едва видимую вдали гору.

– Но вас не пустили обратно? – с замиранием сердца спросил мальчик.

– Нет, – улыбнулся Ингельд. – Разве могли мы отнять у белой драконессы единственное, чем она дорожила – ребёнка? Полететь с нами она отказалась, и так вышло, что мы остались здесь.

Он медленно опустил голову.

– Вскоре моя подруга тоже принесла яйцо, и спустя положенный срок, из него вылупился дракон. Мой сын. Десять лет все мы пятеро жили дружной семьёй, но однажды, в проклятый день, сын белой драконессы не вернулся с охоты. Мы полетели его искать. И вскоре нашли. Пробитым насквозь, изуродованным, без чешуи и хвоста. Странные следы окружали несчастного, никто из нас не встречал таких зверей.

Ятти вздрогнул.

– А... разве в то время здесь люди не жили?

– Нет, – глухо ответил Ингельд. – Это было очень давно.

Он обратился к мальчику горящие глаза.

– Я приказал драконессам вернуться в пещеру, и дальше полетел один. За это решение я не устаю благодарить судьбу, поскольку иначе моё проклятие пало бы и на них.

– Проклятие?! – Ятти отпрянул.

Охотник помолчал.

– Я нашёл селение зверей, убивших малыша. Они охотились на вигеров, ты их видел, и покрывали шкурами крыши домов. Я уничтожил их всех, превратил селение в кровавый фарш. Ненависть и гнев слепили меня.

Ингельд судорожно вздохнул.

– Через месяц к нашей пещере приблизился большой отряд охотников. Это были совсем другие люди – с арбалетами, в блестящей броне. Теперь–то я знаю, откуда они взялись, но тогда...

Он стиснул зубы.

– Первой погибла белая драконесса. Она знала, на что идёт, но всё равно попыталась отвлечь охотников, чтобы мы с малышом успели спастись. Только мы не успели. Дольше всех прожил я: они пронзали меня гарпунами и били копьями, а я всё жил, жил, жил, и тянулся к своему убитому сыну. Не дотянулся.

Ингельд глубоко вздохнул.

– Не знаю, сколько прошло времени, но однажды я очнулся человеком. Человеком с памятью дракона. Позже, много лет спустя, один маг объяснил, как это стало возможным. И сказал, что охотники, убившие мою семью – теперь драконы.

Ингельд встал. Ятти, дрожа, смотрел на него снизу–вверх.

– Я задал всего один вопрос: как отличить их от настоящих, – сказал охотник. – Маг рассмеялся. "Настоящих?" – переспросил он. "Настоящих истребили тысячи лет назад! Цепочка дракон– убийца– дракон ни разу не прерывалась. Только детёныш, рождённый в плотском союзе, будет истинным драконом, но долго он не протянет – люди хотят жить вечно..."

Ингельд зажмурился.

– И он сказал ещё кое– что, – тихо произнёс охотник. – "Бывает и так," сказал он, "Что пара ложных драконов вступает в союз и приносит яйцо, которое они отдают людям в обмен на золото и серебро. Ведь даже старик, убивший дракона, получит новую жизнь."

– О, боги... – прошептал Ятти.

– Боги? – медленно повторил Ингельд. – Ты должен быть благодарен богам. Ведь они наградили нас счастьем.

Он скрипнул зубами.

– Счастьем жить вечно. Убей и живи, или умри – и подари новую жизнь своему убийце. Разве не благодарности заслуживает такой дар?

– Это проклятие... – сквозь слёзы ответил Ятти.

Ингельд горько улыбнулся.

– Выходит, мы прокляты счастьем.

Подняв гарпун, бывший дракон обернулся к утёсу, нависшему над долиной.

– Жди здесь, – приказал он мальчику. – Я исполню твою мечту. Когда взойдёт солнце, поднимись на скалу. Увидишь умирающего дракона; я раню его так, чтобы к рассвету жизнь едва теплилась. Они живучие, эти твари. Мне ли не знать. Вырви гарпун из его тела, добей – и живи...

Внезапно Ингельд опустился на колени и схватил Ятти за плечо.

– Только помни: рано или поздно – ты встретишь меня.

Резко встав, он отвернулся и зашагал к скалам.

Одинокая фигурка мальчика посреди ледяной долины медленно удалялась в прошлое. Рассмеявшись, Ингельд затянул весёлую песню на родном языке.

Его ждал дракон, бывший когда–то человеком, убившим дракона. Его ждала месть.

"Умирая, дарить жизнь, убивая, принять дар..."

– Чёрта с два! – Ингельд перебросил гарпун в другую руку и ускорил шаг.

Грань

Первой опомнилась Айко. Выбравшись из сугроба, она отряхнулась и помогла подняться Тагату. Обнажённый ярр дрожал от холода.

– Где моя одежда? Где оружие?

Драконесса провела когтем по левому рогу, ища золотое кольцо.

– Похоже, озеро перенесло только нас. Снаряжение пропало.

– Сам вижу, – огрызнулся Тагат. – Мне придётся сменить форму, иначе заледенею.

– Давай, – Айко отвернулась. Смотреть на оборотня во время трансформации считалось оскорбительным.

– Ррррр, – послышалось спустя несколько секунд. Большой белый волк потёрся о ногу драконессы.

– Зря ты стал белым, – укоризненно заметила Айко. – Так можно и потеряться на снегу.

Тагат оскалился; говорить в этом обличье он не мог. Друзья медленно приблизились к краю утёса и оглядели мир, где очутились.

По эту сторону Грани стояла зима. Путешествие, похоже, вовсе не отняло времени: как и дома, здесь занималось раннее утро. Снежные горы простирались в обе стороны до горизонта, уходили вверх до самого неба, скромно прятали подножье за покрывалом тумана. Горизонт скрывали низкие тучи, но и так было ясно, что снег покрывает всё в пределах видимости. Дул сильный ветер, мороз пробирал до костей; было так холодно, что Айкодохнула огнём на скалу и принялась греть лапы. Тагат сразу подлез к ней под живот и с довольным видом растянулся на горячих камнях.

– Не похоже, чтобы здесь жили драконы, – пробормотала крылатая. Оборотень энергично завилял хвостом, выражая согласие.

Айко принялась.

– Эй, волчонок, у тебя нюх получше будет – вперёд!

Ярр возмущённо клацнул зубами, однако из– под драконессы вылез. Около минуты он стоял на самом краю утёса, втягивая запахи неведомой земли.

– Ничего, – сообщил Тагат, возвращая родной облик. – Поджарь– ка меня ещё разок.

Улыбнувшись, Айко выдохнула облако плазмы и шепнула заклинание,

заставив пламя собраться в призрачное кольцо вокруг них с Тагатом. Оборотень с наслаждением потянулся, играя мускулами.

– Давно бы так...

– Кстати, заметил – здесь магия работает!

– А как она может не работать? – удивился Тагат. – Мы лишь пересекли горы. Драконесса покачала головой.

– Не всё так просто. Гляди, тут ведь зима. А у нас начиналась осень.

– Кто знает, как широка Грань? – возразил ярр. – Быть может, мы просто оказались ближе к северу.

– А угловое склонение солнца тоже никто не знает? – иронично спросила Айко.

Тагат запнулся.

– Rrrrrr... О твоём зрении я не подумал.

– Вот именно. Мы почти не переместились, но здесь зима!

Оборотень пожал плечами.

– Ты у нас колдунья, тебе и объяснять такие загадки.

Драконесса не ответила. Сузив глаза, она следила за микроскопической точкой на самом пределе видимости.

– Что? – встревожился Тагат.

– Движение, – Айко когтем начертила руну воздушной линзы. Некоторое время друзья молча разглядывали далёкие скалы.

Внезапно драконесса вздрогнула:

– Холод воздуха даст направление... – она указала на тёмную фигурку посреди белой равнины. – Ты встречал таких существ?

Оборотень медленно выпрямился.

– Нет, – в голосе Тагата прозвучала сталь. – Но я хорошо знаю, что оно держит в руке.

Вздрогнув, крылатая приоткрыла пасть.

– Гарпун?..

– Смести линзу! – ярр указал чуть левее. – Вон туда, на утёс!

Айко послушалась, и у друзей одновременно вырвался крик. В магической

линзе было хорошо видел израненный белый дракон, лежащий на красном снегу.

– У него нет крыльев... – растеряно прошептала драконесса.

– Если не поторопимся, его самого скоро не будет! – крикнул Тагат. Опомнившись, Айко кивнула, помогла другу забраться на спину и рванулась в небо. Ледяной ветер победно взвыл.

– Скорее! – оборотень прижался к спине драконессы. Айко наращивала скорость, стрелой проносясь над скалами и долинами. Утёс с раненым драконом быстро приближался.

– Не успеем! – существо уже занесло гарпун для последнего удара. Рывкнув от ярости, Айко выкрикнула слово ледяной молнии и послала её в скалу над головой охотника. Тот обернулся, увидел атакующую драконессу и в панике рухнул на снег, закрыв голову руками.

Айко с разгона опустилась на утёс.

– Займись им! – рывкнула Тагату. А сама, не дожидаясь ответа, склонилась над умирающим драконом.

С первого взгляда стало ясно, что его не спасти. Глубокие проникающие раны в груди и боках, страшная потеря крови, наверняка повреждены внутренние органы; как он до сих пор жил, было неясно. Айко застонала от бессилья.

– За что?! – она в бешенстве обернулась к охотнику. – За что?!

Ярр поднял существо в воздух. Тварь была совсем невелика, вдвое меньше оборотня, носила кучу меховой одежды и странное приспособление на глазах. Руки пленника тряслись от страха.

– Ноа... ноа дат... – взмолился он дрожащим голосом.

Тагат вздрогнул,

– Я знаю этот язык, – ярр метнул на подругу быстрый взгляд. – Он сказал "Не я".

– Не он? – драконесса тяжело дышала от гнева. – Спроси, кто!

Оборотень повторил вопрос. Пленник что-то забормотал, по плоскому лицу катились слёзы, мгновенно обращавшиеся в лёд на холодном ветру. Айко вновь обернулась к умирающему.

– Ты можешь говорить? – с болью спросила она.

Дракон ничего не ответил, лишь посмотрел на драконессу большими серыми глазами. Айко отвернулась, не в силах этого видеть.

– Тагат... – её голос задрожал. – Прекрати его мучения. Я... я не смогу...

Оборотень оглянулся.

– Постой, – ярр кивнул на пленника. – Он говорит что-то странное. Твердит, словно это не дракон, а такое же существо как он сам. Говорит, древнее проклятие обрекает убийц драконов самим становиться драконами...

– Тагат! – оборвала Айко. – Прекрати его мучения!

Оборотень вздохнул.

– Хорошо, – отбросив пленника, он подошёл к умирающему дракону. Тот едва заметно повернул голову, словно показывал, куда надо бить.

– Дай гарпун, – глухо сказал Тагат.

Стиснув зубы, Айко протянула ему окровавленное оружие.

– Видит небесный Вожак, это удар милосердия, – прошептал оборотень. Занеся гарпун, он размахнулся чтобы оборвать мучения несчастного дракона, но в этот миг свистнула стрела и Тагат вскрикнул, схватившись за пробитую кисть. Оружие упало на снег.

– Вы не ведаете, что творите, – на языке Меорна произнёс стрелок. Он тяжело дышал от долгого бега, изо рта вырывались клубы пара. Второе существо при его виде вскрикнуло.

Драконесса ударила хвостом.

– Так это был ты! – выдохнула она. От гнева из ноздрей Айко тянулись струйки дыма, ветер уносил их прочь. – Ты убил дракона!

– Ещё нет, – устало ответил охотник. – Тварь пока жива.

– Айко! – морщась от боли в руке, Тагат с силой наступил на хвост подруги. – Не сразу! Не сразу! Сначала допросим!

Взбешенная драконесса с огромным трудом вняла словам друга и выдохнула огонь в сторону. Существо даже не вздрогнуло.

– Это не дракон, – сказала оно, кивнув на умирающего. – Это человек, такой же, как я охотник. Много лет назад он убил дракона и сам им стал в силу древнего проклятия.

Айко задохнулась от гнева.

– Ты... ты!!! Какая разница, дракон он или нет?! Ты изранил его до полусмерти и оставил медленно умирать! Пусть я стану ящерицей если не сделаю с тобой того же!!!

– Со мной это уже делали, – спокойно ответил охотник. – Я Олехандр Синий, бывший когда-то вождём всех крылатых Аэгона.

Тагат невольно вскрикнул, но Айко лишь ударила хвостом.

– Даже если это правда, за что ты убил его?! – она с болью оглянулась на умирающего. – За что?! За то, что в прошлой жизни он был человеком?!

Охотник покачал головой.

– За то, что в прошлой жизни он убивал драконов.

– Но... но... – Айко задохнулась от гнева. – Ты!!! Ты чудовище! Зверь! Ты... ты... убийца!!!

– Нет, – резко ответил Олехандр. – Я охотник.

Он указал на дрожащего мальчика.

– Дайте ему гарпун. Пусть прекратит мучения добычи.

– Что?!

– Пусть сделает то, что хотели сделать вы, – устало ответил охотник.

Тагат подошёл к трепещущей Айко и погладил по шее, желая немного успокоить. Драконесса и оборотень молча смотрели, как мальчик поднял оружие и неловким ударом пронзил горло дракона. Айко дёрнулась вместе с умирающим.

– Почему?.. – прошептала она. – Как вы можете?! Что даёт убийство?! Неужели вы не видите, что лишь продолжаете цепь смертей?!

Олехандр молчал, пока жизнь не покинула израненного дракона. Затем, глубоко вздохнув, подошёл к телу и вырвал гарпун.

– Прости... – могучий удар пробил мальчика насквозь, показав дымящееся остриё со спины. Айко и Тагат вскрикнули.

– Что ты сделал?!

– Дал вам пропуск домой, – глухо произнёс Олехандр.

Тело мальчика рухнуло в снег. Охотник рывком вытащил гарпун и с омерзением отбросил.

– Ятти был ребёнком, – убийца обернулся к потрясённым гостям. – Сегодня да заката солнца он возродится, и яйцо белого дракона откроет вам путь домой. Обычно дети не помнят предыдущей жизни. Надеюсь, не вспомнит и он.

Айко хрипло дышала.

– А ты? Так и продолжишь сеять смерть? Охотиться на драконов?!

– Да, – спокойно ответил Олехандр. – Я продолжу мстить.

– Кому?! – крылатая покачнулась. – Драконам?! Безумец, неужели ты не понимаешь?! Быть может, они мечтают позабыть о своём человеческом прошлом! Что, если этот несчастный, будучи человеком, нечаянно оборвал жизнь дракона, или охотился на нас, не ведая о нашей разумности?! Что, если его сокровенным желанием было искупить вину, если новую жизнь он воспринял как шанс начать всё сначала, по– новому?! Но он встретил тебя – убийцу, пронёсшего ненависть даже за Грань смерти. Такие как ты превратили величайший дар в проклятие! Вам же дали шанс вечно жить!

Охотник внезапно с дикой яростью топнул ногой.

– Нет! – рявкнул он. – Не жить! Нам дали шанс вечно убивать, вот что нам дали! Убей и живи!

– О, глупец... – Айко зажмурилась от боли. – Что дал ты тем, кого убил? Какой шанс ты им оставил?! Лишь смерть! А что дали они?

Фиолетовая драконесса в волнении расправила крылья.

– Как ты не понимаешь, ведь здесь, по эту сторону Грани, смерть впервые перестала быть бессмысленной! Все умирают рано или поздно, но только здесь, умирая, можно подарить кому–то новую жизнь!

– Подарить? – горько усмехнувшись, Олехандр кивнул на мёртвого дракона. – Спроси его, хотел ли он подарить свою жизнь мальчику.

– Нет, – с болью ответила Айко. – Он хотел просто жить. Как и все мы. И умер, как умрём мы все. Но мы, умирая, перестаём существовать, а он смертью своей дал жизнь новому дракону!

Она шагнула вперёд и склонила голову к человеку.

– Ты, бывший когда–то драконом – кому дал ты что– либо, кроме смерти? – тихо спросила Айко.

Охотник отвернулся.

– Смерть никогда не имеет смысла, – ответил он глухо. – Умирая, мы даём жизнь своему убийце. Здесь, по эту сторону Грани, убийство лишь стало более страшным преступлением.

Олехандр скрестил на груди руки.

– Тот, кто убил однажды – убьёт и вторично, желая жить вечно. Но пока жив я – ни одному убийце это не удастся!

Айко медленно выпрямилась.

– Олехандр, – позвала она. Охотник обернулся. – Одному убийце уже удалось.

Глаза бывшего дракона расширились, когда он понял. Драконесса яростно ударила хвостом.

– Сколько тебе лет? – жёстко спросила она. – У нас есть легенды, что ты жил много веков назад.

Человек медленно покачал головой.

– Я не помню.

– А сколько лет ты убиваешь драконов? – Айко подалась вперёд. – Сколько сотен жизней ты оборвал?

Олехандр топнул ногой.

– Я не считал!

– Напрасно, – драконесса выпустила когти. – Иначе ты мог бы заметить, что давно превысил свои сроки и живёшь только за счёт убийств! Ты стал вампиром, Олехандр, ты питаешь себя жизнями, и пытаешься искать жалкие оправдания в мести!

– Не смей! – выдохнул охотник. – Не смей так говорить!

– Почему? – крылатая ударила хвостом. – Сколько ещё таких, как ты, охотников живут по эту сторону Грани?

Бывший дракон тяжело дышал.

– Я последний.

– А давно ты ли стал последним?

– Не помню.

– Значит, – Айко медленно шагнула вперёд, – уже много лет никто кроме тебя

не убивает драконов?

Олехандр содрогнулся.

– Вот оно что... – он стиснул кулаки. – Теперь понятно, к чему ты клонишь, стерва! Думаешь, я убиваю настоящих?! Думаешь тех, других, уже не осталось?!

– Ты сам сказал это, – глухо ответила Айко. – Олехандр Синий, бывший когда-то вождём всех крылатых, посвятил свою новую жизнь истреблению сородичей!

Охотник вскинул гарпун.

– Нет! – рявкнул он. – Ты, проклятая тварь из-за гор – что знаешь ты о нас, о нашей жизни?! Здесь нет драконов! Здесь только люди! Я мщу за убитые поколения!

– Что ж ты остановился? – спокойно спросила Айко. – Вот она, я, тварь из-за гор. Подними гарпун, вонзи мне в грудь. Убей ещё одного дракона.

Олехандр недоверчиво взглянул на окровавленное оружие. Содрогнувшись, он уронил гарпун и закрыл лицо руками.

– Нет... – выдавил охотник. – Ты лжёшь! Ты... Ты тоже человек! – внезапно крикнул он. – Такая же тварь, как другие!!!

Айко изогнула шею и гордо посмотрела на человека с высоты своего роста.

– Нет, Олехандр, я драконесса, – она медленно втянула воздух. – И я помню слова твоего предка: тот, кто избрал профессией убийство – должен быть готов встретить и своего убийцу. Ты готов?

Охотник хрипло вздохнул, но его опередили:

– Нет! – внезапно сказал Тагат, до сих пор молча стоявший рядом с подругой. – Нет, Айко. Если ты это сделаешь, он возродится драконом, а ты вступишь в проклятый круговорот смерти.

Оборотень медленно направился вперёд.

– А я не дракон, – сказал он спокойно. – Я могу разорвать цепочку.

Олехандр криво усмехнулся.

– Не сможешь, – он сплюнул. – Всякий, убивший дракона – восстанет драконом!

Тагат улыбнулся.

– Что ж, значит я восстану драконом в следующей жизни. Всегда завидовал Айко. Зато ты больше не восстанешь никем, – ответил он холодно – Разве ты не

слышал, что всякий, погибший в зубах волка– оборотня – сам станет оборотнем?

Бывший дракон побелел.

– Нет... – прошептал он.

– О, да, – Тагат оскалил клыки. – Ты станешь обычным оборотнем, таким же как я. И тогда, о небесный Вожак, с каким наслаждением я вгоню тебе в сердце осиновый кол!..

Он запрокинул голову и испустил вой охотящегося волка.

Айко отвернулась.

Айсгард

Вьюга не унималась четвертые сутки. Замёрзшая фиолетовая драконесса тяжело брела по снегу, таща за собой нарты, привязанные к хвосту. Там, накрытый меховыми одеялами, лежал обмороженный Тагат, согревая своим телом большое серебристое яйцо.

– Уже скоро... – пробормотала Айко. Пар клубами вырывался из её пасти и опадал льдистым туманом; время от времени драконесса выдыхала облако огня и проходила сквозь него, плавя корку льда на чешуе. Тагат дрожал от холода.

– Потерпи ещё немного... – крылатая подняла голову и облегчённо вздохнула: в белой мгле темнело отверстие пещеры. Напрягая последние силы, Айко затащила туда нарты и рухнула, хрипло дыша от переутомления. Оборотень с трудом выбрался из– под меха.

– Айко... Не спи, нельзя!

Он потряс голову драконессы за рога.

– Ещё немножко, моя маленькая. Закрой вход огненным щитом, сразу станет тепло...

Айко встряхнулась.

– Я в порядке, – выдавила она. – Отойди.

Привстав, драконесса пробормотала заклинание идохнула плазмой в сторону входа. Отверстие пещеры заволкло огненной пеленой, вой ветра сразу пропал.

Мощная волна тепла заставила Айко блаженно прикрыть глаза.

– Я должна отдохнуть, – шепнула она. – Постереги.

– Конечно, – Тагат потрепал её по шее. – Ничего, прорвёмся! И в этом мире можно жить.

Пару часов в пещере царила мёртвая тишина. Фиолетовая драконесса свернулась клубком у самого щита и спала как ребёнок, Тагат задумчиво гладил её крыло. Он и сам уже засыпал, когда голос Айко вернул его к реальности.

– Ты не жалеешь? – тихо спросила драконесса.

Оборотень вздохнул.

– Что мы остались?

– Да.

Он долго молчал.

– Трудный вопрос, – ответил наконец Тагат.

– Прости меня...

– Ты не виновата, – ярр улыбнулся. – Всё гораздо сложнее.

Он медленно провёл пальцем по сверкающей скорлупе.

– Я тут думаю... Помнишь, мы появились на уступе без снаряжения, без оружия и одежды?

Айко моргнула.

– Помню, конечно.

– Так вот... – Тагат невольно взъерошил шерсть. – А мы ли там появились? Что, если озеро создало наши Тени, наши совершенные копии – а настоящие Айко и Тагат сейчас преспокойно летят домой, забыв об этом приключении?...

Драконесса молчала целую вечность.

– А какая разница? – спросила она наконец. – Мы помним себя, мы живём. Мы – это мы.

Оборотень тепло улыбнулся.

– Вот за что я тебя люблю, крылатая.

Айко лизнула его в нос.

– Не преумножай сущностей.

– А быть может, так даже лучше, – Тагат закрыл глаза и прислонился к

подруге. – Нас не станут искать, не встретят подгорных королей и не отправятся за Грань. Когда я услышал, для чего им требовалось яйцо...

Айко вздрогнула.

– Никто не согласится на такое. Это безумие!

– Никто с нашей стороны Грани, – поправил оборотень.

Повисло тяжёлое молчание.

– Знаешь, – драконесса перебрала крыльями. – Я больше не верю в сказки.

– Напрасно, – ярр улыбнулся. – Сказка никуда не исчезала. Просто мы пересекли Грань.

– Тагат... – Айко медленно повернула голову. – Одна мысль не даёт мне покоя. Что, если кто-то... Кто-то ОТСЮДА, узнает о подгорных королях и принесёт им яйцо белого дракона? Что тогда будет?

Оборотень сел.

– Что будет? – он невольно оскалил клыки. – Его пропустят за Грань. В сказку.

Друзья переглянулись.

– Этого не должно случиться, – тихо сказала драконесса.

– Мы постараемся, – отозвался Тагат.

Айко притянула его крылом, и вместе они обернулись к вьюге, бушевавшей за стенами пещеры.

– Теперь я понимаю, почему здесь зима... – прошептал дракон.

Волк ничего не ответил.

Конец